

«БОРИС РУБАШКИН В МОСКВЕ»

так называется диск с записями песен популярного австрийского певца, изданный недавно фирмой «Мелодия». Имя Бориса Рубашкина широко известно на Западе благодаря его выступлениям в Венской народной опере, многочисленным гастрольным поездкам по странам Европы и американского континента.

Обрел артист большую известность и в нашей стране. Около десяти раз приезжал Борис Семенович на родину своих предков, дав в общей сложности более ста тридцати концертов в течение года. После серии триумфальных выступлений в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Архангельске, других городах он возвратился в Австрию.

Перед отъездом с ним побеседовал корреспондент «ВМ».

— Борис Семенович, вас знают и любят у нас в стране. Расскажите, пожалуйста, о ваших корнях...

— Отец мой—донской казак, волею судьбы заброшенный в Болгарию во время гражданской войны в достаточно юном возрасте. Мать моя болгарка, на всю жизнь ставшая его верной спутницей. Родились мы с моим младшим братом в Софии, воспитывались в русской колонии.

От отца и его друзей узнал много русских, старинных казачьих и других песен. Кстати, именно в русском народном доме в Софии я получил становление как артист, танцевал. И затем уже профессионально выступал в балете Венской оперы.

— В балете?! А как же..?

— Да, да, именно танцевал. А к занятиям вокалом я приступил довольно поздно: в 31 год. Мне повезло, со мной занималась прекрасная преподавательница, профессор Венской консерватории. И пел я и выступал на оперных сценах Австрии. Но «жесткая» привязка к театру, другие трудности как-то тормозили мое стремление к свободному творчеству, к расширению моего репертуара. И вот в результате я уже довольно давно работаю в режиме гастрольных поездок.

— Расскажите немного о своей работе оперного певца.

— Я в опере пел достаточно долго, в моем активе 33 оперные партии. Был 10 лет в составе труппы Зальцбургской оперы. Работал серьезно, долго. Пел в «Севильском цирюльнике» Россини, «Дон Жуане» Моцарта, «Дон Карлосе» Верди, «Тоске» Пуччини, «Кармен», «Борисе Годунове», «Онегине». И сейчас раз в два-три года пою в опере. Но театральные ограничения меня смущают. Я донской казак, человек свободного поиска, и у меня свое понимание свободы, творчества. И до оперы я пел русские народные песни в Вене, в том числе и в ресторане. У меня был свой

маленький ансамбль, с которым разъезжал по Европе и пел русские народные песни.

— А как вы отдыхаете? Что читаете, каких авторов?

— Люблю побродить по горам, я живу в районе Альп и считаю прогулки по ледникам и высокогорным лугам активным отдыхом, прекрасным восстанавливающим работоспособность. А перед этим 2 — 3 недели отдыхаю в Италии, просто свободно: плаваю, гуляю...

Для меня как исполнителя русских песен важно постоянно поддерживать и обновлять знание языка. Язык русский утрачивает свое изначальное звучание, даже московский говор стал не тем, с которым я был знаком с детства.

Язык я совершенствую, читая постоянно русскую литературу, у меня много книг. Люблю Гоголя, Достоевского, Булгакова, Пушкина, Лермонтова. Я говорю на семи языках, и мне достаточно сложно поддерживать знание русского.

Мы, дети русских эмигрантов, любили Россию, не видя ее. Не было дня, чтобы отец не вспоминал о Родине, не говорил о ней, рассказывал обо всем: об укладе, быте, пище, местности, людях, привычках. И язык был прекрасный, чис-

взнос русской колонии. С уважением отношусь к своей вере, вере моих предков.

— Как вы оцениваете нашего зрителя, слушателя?

— Зритель не меняется. Советский зритель хочет видеть, жадно хочет видеть не только меня, а и других исполнителей. Видимо, сказывается «голод» во внешней культурной информации. Потому с интересом ждут и Реброва, и Токарева, и Шафутинского, и других. Лично я не могу пожаловаться. Все мои концерты идут при аншлаге, зритель не отпускает меня со сцены. И это пока устойчиво. Меня благодарят за старую русскую песню.

Отрадно то, что у вас есть демократия. Люди раскрываются, говорят о насущных проблемах открыто, гласно. Я прошел сегодня по Арбату, послушал поэтов, ораторов, посмотрел работы художников и понял: да, демократия у вас есть. А если она будет — будет и хлеб, и масло. Надо дать людям землю, свободу торговли, рынка. И, я убежден, все пойдет хорошо.

И нужно хранить обычаи, уклад, память своей истории. Я в репертуар свой ввожу песни о войне. Народ, победивший Наполеона, Гитлера, имеет право на гордость. И

тый, не засоренный, как сегодня.

Так что книги и еще раз книги...

К сожалению, не только в язык и в музыку русскую нынешние исполнители вносят какую-то ущербность, обедняют, усредняют ее...

Был я недавно в одном из городов Сибири и с тамошним оркестром готовили мы концерт, в том числе и песню «Славное море, священный Байкал». И когда оркестр заиграл ее, я был поражен: «Тра-та-та, тра-та-та»... Звучала она у сибиряков на манер венского вальса Штрауса. А где самобытность песни, гордость ее?

— Ваше отношение к религии?

— Я вырос в религиозной семье, крестили меня как казака на коне в Русской православной церкви, построенной, кстати, на добровольные

нужно помнить о бесчисленных жертвах народа в последней войне, помнить, какой ценой победа досталась. Я включаю в репертуар старые казачьи песни, не известные вашему слушателю, включаю и цыганские, сибирские, «одесские». Иногда я меняю репертуар, избираю ту или иную песню. Но я не могу изъять из репертуара моего «Стеньку Разина» или свой современный танец, мною придуманный «Казачок». Это уже знает весь мир.

— Спасибо, Борис Семенович, и от себя и от читателей. Желаем вам успехов, устойчивой и развивающейся популярности у нашего зрителя. Доброго пути, и надеемся встретиться еще не раз!

В. ЛИСЕНКОВ.